Переписка баптиста с молоканином

Помещаемая нами переписка нашего брата Дея Ивановича Мазаева с передовым представителем молоканства и его ревностнейшим защитником Максимом Ивановичем Калмыковым имела место несколько лет тому назад и в свое время была частично напечатана в «Миссионерском Обозрении», а так как «Миссионерское Обозрение» нашими братьями не выписывается и не читается, то эта интересная переписка осталась мало кому известной. Поэтому, желая навсегда сохранить эти письма и высказанные в них с той и другой стороны мысли, мы решили поместить их на страницах нашего журнала, в уверенности, что наши братья прочтут их с большим интересом.

Наши дни (mscexb.ru): *Переписка печаталась в нескольких номерах журнала «Баптист» 1911 года (№№ 23, 24, 25, 26, 27) и мы публикуем её уже в 2024 году для широкого круга читателей братства МСЦ ЕХБ и не только. Насколько известно в Армении, в селении Фиолетово, проживает около 2000 молокан на сегодняшний день.*

Начало журнал "Баптист" № 23, 01 июня 1911 год
Переписка баптиста с молоканином

Глубокоуважаемый друг и брат в Господе, Дей Иванович.
Вы слишком уж в доказательствах своих сузили дело относительно моего письма; так мало распространились в доказательствах и опровержениях своих, что и понять трудно, — что-то в роде того: лениво, холодно, насильно!
В моем письме было сказано все подробно — как о внешнем, так же точно и о внутреннем содержании всех тех правил нашего руководства, разделяя каждое особо, с обозначением на лицо — наружную, обрядовую сторону, на лицо — и внутреннюю. Следовательно, и ваши доказательства и опровержения должны быть также отчетливы и ясны.

Например, так. Что есть внешнее? Вот что — укажите прямо, что есть внешнее, — укажите то-то и то-то, и объясните, есть ли духовное содержание под внешним; если есть, то необходимо скажите, что это такое, — упомянуть хоть вкратце то, что разумеется, упомянуть и то, под которым, разумеется. Подробности необходимы. Но вы, вероятно, с преднамеренною, с предвзятою целью, желая этою неясностью спутать своего собеседника!.. А потому этот математический расчет был употреблен в дело единственно по логике тумана, — набросать красных слов, задач и вопросов для своего друга: пусть, мол, возится с ними, отгадывает и сам решает, что отгадать ему — вечно не удастся, и чтобы собеседник ни сказал, вы все скажете — «не то»! Вот ваши слова! Передаю подлинно. <Вы видите в моем письме массу доказательств, хотя не писанных. (Это главное — «неписанных»), а приведенных из соображения одностороннего разума. — Я писал о крещении водой и духом, о преломлении хлеба, о воспоминании, об омовении ног, о помазании, о чаше, о вине; и вам представляется все это неписанным в священных Писаниях, все это неправильным и никуда негодным, приведенным из одного соображения одностороннего, блуждающего разума». Потом еще ниже говорите так: «жалею, что не могу радоваться твоим доказательствам, так как они, по моему крайнему убеждению, давно отжили по отношению к нам, баптистам, свой срок и потеряли свою силу и значение». Слово это — «отжили и потеряли свою силу и значение» — прямо относится ко всем тем обрядам и выше подробно упомянутым внешним правилам. Этот ваш благосклонный ответ должен удивить всякого, но не всякий решится ему поверить. В довершение этого говорите еще: «что вас об этом спрашивать не следует, а вы на него не должны отвечать». И еще: что вы в течение двадцати лет не духовному молоканству духовную сторону разъясняете, а что? — вы об этом не сказали ни слова. Еще дальше, еще ниже, в вашем письме говорится так: «не было примера и случая, где бы мы заслоняли внутренний процесс, внутреннюю работу Духа Божия в человеке внешним делом, т. е. — обрядовой стороною». Да, — вы не заслоняете рабам и рабыням Божиим вашими внешними, обрядовыми правилами. Так неужели все наши обряды: крещение, преломление, помазание, омовение, чаша, вино, музыкальное орудие — вы хотите признать не наружными и не внешними обрядами, а духовными и внутренними. Неужели для вас есть надежда и возможность убедить, — судя уже по-вашему, — этого недуховного молоканина в этом. Жестоко заблуждаетесь, Дей Иванович! У вас, друг, целая масса противоречий. Когда вы хотите устоять на буквальном целесообразии, — в это время ускользает из ваших рук и головы весь тот внутренний смысл; вы, спохватившись, прекрасно цепляетесь своим целесообразием за внутренний смысл внутреннего образа действий и не в состоянии приметить, что в это время внешний образ окончательно остается совершенно без действия и положительно излишним, мешающим внутреннему целесообразию. И как раз с вами случается, как с тем человеком, который нечаянно забрел в тину, и когда вытащит одну ногу, то другая в это время успеет завязнуть. Вы что выше сказали? Что обрядовая сторона в отношении к вам отжила свой срок и потеряла свою силу, — это первое; второе — то, что вы проповедуете молоканам не обрядовую сторону, а духовную, и третье — то, что вы внешним делом ни теперь, ни прежде не заслоняли духовную сторону; в конце концов, подтверждаете, что вы ведете человека туда — к Иордану, где много воды. Подтверждаете и другое — то, что вы в действительности исполняете одну формалистику, и, желая оправдаться в этой одной формалистике, вы указываете на апостольскую практику. Право, я не могу понять, — что это за логика. С одной стороны, положительно отрицается от внешних обрядов, как это выше пояснено; с другой, как ниже сказано,

положительно строится на этой развалине, и без отдыха переходите от внутреннего содержания смысла ко внешнему, а от внешнего ко внутреннему. Вероятно, это потому, что у баптистов действительного, т. е. реального нет, а есть воображаемое. Оно самое и мешает ему укрепить себя на одном крепком фундаменте. Баптист давно так живет, а потому у него никакого толку не добьетесь. Его спрашиваешь, в чем заключается: крещение, преломление, помазание, омовение, — он что вам отвечает? Отвечает, что всего по два, — по внешнему и по внутреннему, но разве это добросовестный ответ? Он говорит: я держусь практики, я держусь формалистики, держусь — держусь, а потом — потом... положительно съезжает на внутренний смысл, а с внутреннего точно также держусь, держусь, — а в конце съезжает или переплывает на наружный. Да скажите, пожалуйста, хоть раз, по совести.

— Где же ваше крещение, где же ваше преломление, омовение? Не мучайте нас на вашем театральном зрелище. Это ваше представление нам надоело, — мы ваши воображения не можем принимать за действительность. Скажите откровенно, что вы почитаете за действительное: внешний образ действия или внутренний? Если вы верите, что крещение должно быть одно, то остановитесь на одном содержании — или внешнем, или духовном, т.е. внутреннем. Технологии наносят на карту все фабричное производство, существующие фабрики. Вас спрашивают: — укажите ту фабрику. Вы, показывая картину, уверяете, что эта самая та фабрика, о которой я вас спрашивал. Вам и говорят, — если это та самая фабрика, то не ищите другой. Приведенный пример означает то, что если вы разумеете под крещением: рождение, умирание, обновление, соединение, воскресение, то и держитесь одного этого; если же под крещением не разумеете всего этого, то стойте на том, что крещение без воды не совершается: нет воды, нет крещения при таком обстоятельстве. Тогда вас лучше поймут, что у вас самая картина служит за действительную фабрику, так как в ней глазам плотским все видно: видно, как здания стоят, видно, как станки ходят, видно, как колеса вертятся, видно, как изделие готовится, видно, как народ работает. Но основываясь на этой картине, он подвержен галлюцинации. Ну, право, так и хочется сказать, что это какой-то абсурд. Охота отпадает, не достает сил. Будь это не серьезное дело, то стоило бы бросить, но во имя любви необходимо сражаться до крови. Вы, баптисты, разумеющие крещение водой, состоящим в отдельности от внутреннего, при этом должны разуметь следующее: что внешнее крещение без внутреннего, без рождения, без умирания, без погребения, без соединения, без обновления, без обещания, словом — выходя из воды и еще будучи сырым, мокрым, он остается некрещенным, и вся эта ваша процедура является одним звуком колокола, несложным купанием и бессмысленной работой. Но по-вашему это всецело составляет крещение и христианству печать, а по-нашему — все это необходимо снова начать, не внутреннее содержание и сила крещения совершаются во внешнем обрядовом торжестве, а наоборот, внешний образ действия крещения совершается во внутреннем. Нет внутреннего, нет и крещения; он был погружен в воду, но крещения нет. Погружайте 2 раза, 4 раза, 8 раз, 16 раз, 32 раза, 74 раза и, хотя бы 148 раз, и тогда он остается некрещенным и не крещен. Кто это говорит? Вот кто: не бич из веревок, а духовный молот выбивает этот внешний, этот деревянный клин. Мы его мочили — мочили, и на внутренний смысл вскочили, и поняли, что духовное разумение исключает буквальное. Нельзя не заметить, что из двух необходимо одно исключить. Скажите, пожалуйста, как это может быть непонятным, когда Христос говорит: «кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто это не совершит, тот осужден будет». Есть ли тут — в этих выражениях — хоть малейший намек на один внешний, буквальный образ действия

крещения, — того крещения без внутреннего содержания и его смысла? Разумно ли под этими словами понимать и утверждать одну практику или формальность, без того внутреннего смысла, на который ссылаются наши баптисты.

Крещение Иоанна было водою — разумно ли под этим крещением разуметь одну форму, единую простую практику? Не следует ли, не должно ли углубляться в глубину содержания этого наружного крещения и поискать, нет ли там чего? Разумно ли не обращать внимания на следующие слова Иоанна, когда он кричит: «Я вас крещу водою, но Идущий за мною будет крестить вас Духом, но не водою»? Есть ли тут малейшее внушение, что крещение водою не сменяется крещением духа? Разумно ли держаться за буквальный смысл крещения, когда апостол Павел говорит: «Встань, крестись, омой грехи твои»? И еще он повторяет, что крещение наше есть омовение, только не плотское. Разумно ли после стольких подкреплений внутреннего смысла крещения оставаться на буквальном? И еще апостол подтверждает: «Кто крестился, тот во Христа облекся». Не справедливо ли апостол определяет под крещением смерть и погребение там, где совершалось крещение? Не ясно ли, что каждое выражение, каждое слово толкает нас на духовный смысл? Как и сказано: «Все различные обряды, относящиеся до плоти, были установлены только до времени», и бич из веревок должен существовать исключительно только для этой внешности. Христос изгонял наружное служение, этот софизм. Фарисеи, не желая одуматься, родиться, умереть и совершить погребение, рассуждали: если они от Иоанна искупаются, то это значит — совершить крещение. Не назвал ли их Иоанн иезуитами? Представьте себе человека, который пользуется пузырями, — выучился плавать, и несмотря на то, что давно уже может без помощи пузырей держаться на воде, не знает этой способности, — по той причине, что приписывает её не себе, а действию пузырей, с которыми он ни разу не решался расстаться. Спрашивается, что нужно сделать для этого, чтобы убедить такого мнительного пловца в его самостоятельной умелости держаться на воде? Несомненно, признать запрет — пользоваться пузырями.

Будьте здоровы, привет вам и Павловне, и вашим деткам! Аминь.

Максим Иванович Калмыков

Дорогой и многоуважаемый друг Максим Иванович!

Письмо твоё я вчера получил и хочу ещё раз, по затронутому тобой вопросу, сказать несколько слов.

Ты ведёшь жаркую войну, хочешь стереть ненавистный тебе баптизм с лица земли, навсегда истребить из поднебесной всякую о нём память и тем самым доставить победу и великое торжество твоим — преданным от отцов — убеждениям. Но мне, друг мой, жаль напрасного расхода твоей энергии и бесполезной траты твоих сил, так как все твои старания и весь твой труд не приведут ни к чему и желанным успехом никогда не увенчаются. Ты говоришь много, убедительно; приводишь массу хороших примеров, но упускаешь из виду уроки прошлого и не понимаешь ещё того очень важного обстоятельства, что пока корень дерева ещё цел и жив, то сколько бы не объедали его ветвей, оно всё-таки останется живо и его ветви никогда вновь отрастать не перестанут, и лишь когда самый корень будет исторгнут, тогда дерево умрёт и все его ветви засохнут сами собой. Посмотри на многовековую историю христианства — от начала и доныне, и ты увидишь, сколько оно пережило злых и сильных врагов, которые тысячами уничтожали смиренных овец Великого Пастыря, но его, тем не менее, уничтожить не могли, так

как все эти василиски жевали и объедали лишь юные ветви и молодые побеги евангельской маслины, а самому её корню не сделали и не могли сделать никакого вреда. Ты выступил на борьбу с крещением и думаешь когда-нибудь восторжествовать, но ты обрати твой взор на прошлое и узнай, что ты совсем не единственный и далеко не первый противник этой истины, что были люди, воевавшие против этой воли Божьей, которые в этом непохвальном деле чуть не на две тысячи лет опередили тебя, и, когда узнаешь, чем окончились попытки твоих предшественников, то ты, быть может, поймёшь, что путь твой неправ и перестанешь идти против рожна.

Было время, когда во всей вселенной был один единственный Креститель, и когда, следовательно, легко и скоро можно было затоптать эту искру и навсегда уничтожить это учение. Законники и фарисеи встретили эту новую проповедь отрицательно и не только сами отвергли волю Божию о себе, не крестившись от Него, но и всячески старались помешать святой работе «посланного от Бога», предлагая ему разные вопросы: «Кто Ты?» и «Что же ты крестишь?» и прочее. Громоносные проповеди «Глас вопиющего в пустыне» делали своё дело, так что Иерусалим, и вся Иудея, и вся окрестность Иорданская «выходили к Нему и крестились от Него в Иордане, исповедуя грехи свои». Но так продолжалось недолго, и вскоре обстоятельства приняли другой оборот и сложились более благоприятно для фарисеев и законников. Ирод посадил сначала Крестителя в темницу, а затем вскоре обезглавил Его, и тем дал фарисейской партии заметный перевес, сослужив таким образом противникам крещения огромную службу. Но как бы эта злая услуга Ирода, полуязыческого еврейского царька, велика и ценна ни была, она всё-таки оказалась лишь временной, и радость «слепых вождей» была мгновенной: не успели фарисеи ещё успокоиться, как слышат, что Пётр ходил в Кесарию и там в доме Корнилия сотника во всеуслышание говорил, что креститься водою необходимо, и что запрещать этого никто не может. Опять горе; опять надо прибегать к помощи Ирода. Ирод, особенно примкнувший к фарисейской стороне и старающийся делать лишь то, что «приятно иудеям», на этот раз сам протянул им свою окровавленную руку, хотя безуспешно: он взял Петра и, задержав его, посадил как Иоанна Крестителя, в темницу и приказал четырём четверицам воинов стеречь Его; но Господь, послав Ангела Своего, избавил Его от руки Ирода и от всего, чего ждал народ иудейский. Но если бы даже Господь и не вступился за Своего служителя и если бы Петру, подобно Иоанну, пришлось сложить под ударами Ирода свою голову, то крещение уже вовсе не могло быть уничтожено, так как Пётр был не единственным проповедником крещения, а был одним из многих; и стоит только спокойно и пристально всмотреться в книгу Апостольских Деяний, как вы сразу же увидите едущего на колеснице Филиппа, который доехав до воды, останавливает колесницу, сходит в воду и — как бы на ваших глазах — собственноручно крестит казнохранителя Эфиопской царицы... Все эти события доказывают жизненную силу крещения, как воли Божией, вносят в богословие наших предков огромную путаницу и ложатся на молоканской дороге большим и несокрушимым камнем преткновения, о который они, не покоряясь слову, продолжают претыкаться уже целую сотню лет.

Мало этого, — когда вы видите, что круг «очевидцев и служителей Слова» начинает заметно редеть через смерть одних и ссылку других, то на смену им, для продолжения дела Господня, являются новые личности. Так, недавний враг Христа, вчерашний хулитель, гонитель и обидчик, покидает свой прежний лагерь и начинает с редким успехом и необычайной ревностью проповедовать ту веру, которую он еще так недавно силился истребить. Перестав быть

«извергом» и сделавшись «избранным сосудом», он прежде всего крестится, а потом крестит Криспа, Лидию, дом Стефана и многих других. Что крестили и другие, и что были случаи крещения десятков и даже нескольких тысяч душ сразу, — ты, вероятно, помнишь, и я их перечислять не стану.

Проследив всё это, мне становится очень удивительно, что ты до сих пор не замечаешь, что лишь открытые и явные противники Христа, законники и фарисеи — этот сухой и колючий хворост от старого мертвого дуба, шли против крещения и постыдно отвергали волю Божию о себе. Тогда как все ученики Господни, — эти юные ветви святой маслины, — всегда смиренно склонялись перед волей своего Господина и старались, и спешили — подобно своему Учителю, — исполнять «всякую правду». Потому-то мне очень жаль тебя, и невыразимо больно за всех наших молокан, что вы, как бы веруя во Христа, но враждебно относясь к крещению, прямо-таки беретесь не за своё дело и служите какую-то фарисейскую службу. У вас с ними только та разница, что те отвергают учение Христа целиком, а вы кое-что принимаете из него; но у вас с ними один дух и одна цель: вы также, как и они, отвергаете «волю Божию» и также, как они, стараетесь препятствовать распространению этой истины Господней в народе, и я боюсь, что вас постигнет одна общая участь...

Итак, ни духовное противодействие надрывавшихся от злости фарисеев, ни губительное оружие Ирода не убили крещение и не остановили, хотя бы даже на время, его дальнейшего распространения: умер мученической смертью первый Креститель, «величайший из рожденных женами», умерли все апостолы Господни, а крещение всё живёт: оно не было от человеков — и от жизни и смерти человеков не зависело: оно было с небес, и никакая бренная рука временного человеческого существа остановить его не в силах. Оно пережило заживо съеденного червями Ирода, пережило всех своих тогдашних противников, дожило до наших дней, успешно борется с современными нам противниками своими, переживет их и будет стоять в силе Господней, доколе стоят небо и земля.

Если ты, несмотря на всё это, думаешь попытать твоего счастья и решил дальше продолжать твою разрушительную работу, — это твоё дело, но только знай, что если ты и дальше будешь вести твою борьбу с нами, то это ни к чему не приведёт: ни мы, ни апостолы Господни, ни Иоанн Креститель здесь не виноваты, а виноват только Тот, Кто послал их крестить в воде и Кто сказал: «Идите, и научите все народы, крестя их». В отношении преломления хлеба точно так же ни мы, ни коринфяне, ни даже апостол Павел нисколько не виноваты, а виновен опять-таки один только Тот, Кто сказал: «Примите, ядите» и «сие творите». Вся вина апостола Павла в этом деле состоит в том, что он, как от Самого Господа принял, так — нисколько не извращая и не перетолковывая духовно, — целиком и в точности передал коринфской церкви, и в том ещё, что, он ясно изложив порядок совершения вечери перед коринфскими христианами, тем самым нанёс вечное осуждение молоканскому богословию, на все лады извращающему это ясное установление Христа Иисуса. И только...

«Ты обвиняешь нас в противоречии, что мы, якобы, говорим одно, а делаем другое, что мы, вместо действительной фабрики, предлагаем лишь картину и прочее, и прочее. Я постарался перед тобой изложить всё, что апостолы делали и чему учили, и в заключение представляю практику нашего Господа, из которой ты увидишь, что весь этот разлад и кажущаяся двойственность внесены Им: Он говорит о духовном возрождении и очищении человека через Слово и вместе с тем Он же крестит, и все идут к Нему; Он говорит о духовном значении хлеба,

пришедшего с небес, — о вкушении Его плоти и крови, — и Он же своими руками подаёт ученикам хлеб и чашу и прочее. Нас много, а ты всех нас не переговоришь. Господь Иисус Христос — один и главный виновник — и должен, следовательно, быть первым ответственным лицом. Если всех твоих улик достаточно, то ты и можешь начать твои обвинения прямо с Него и, когда твое дело увенчается успехом, то тогда твоя роль сыграна и цель достигнута, и все введённые Им в ошибку рассыплются сами собой.

В этом примере я не вижу ничего неестественного, ибо если твоя рука свободно поднимается на учеников, то она не дрогнет подняться и на Учителя, тем более что виноват-то именно Он. Он же, если после твоего суда прибавится ещё одна лишняя колючка в Его терновом венце, надеюсь, перенесёт и это, как перенёс гораздо больше. Вся беда, друг мой, в том, что ты стремишься скорей в Дамаск и обратился спиной к Иерусалиму и не видишь столь ясных истин. Я верю, что когда ты, вместо осуждения, вооружишься молитвою о нас и о себе, то ты увидишь, что у Господа противоречий нет, и что Он так мудро сочетает Своё духовное учение с Его внешней практикой, что они только взаимно друг друга восполняют и взаимно одно другое уясняют. И тогда, я уверен, твой острый язык не повернётся для укоризны на установления нашего Господа, и для какого бы то ни было осуждения нас, Его смиренных учеников. Аминь. Желаю вам познания истины, исполнения и распространения её в мире.

Твой, любящий тебя, друг Д. И. Мазаев

~~~~~~~~●~~~~~~~~

Продолжение журнал "Баптист" № 24, 08 июня 1911 год

Многоуважаемый друг Дей Иванович!

Не желая отступать от своих убеждений и от учения Слова Божия, но при этом не скрывая слабости своего ума, вследствие которой я менее всего понимаю то, что все люди считают легко понятным, я лелею себя надеждой, что моя неспособность даёт мне право на помощь этих великих умов, и что их высокая мудрость может дополнить, по необходимости, пробелы, оставляемые моим слабым рассудком.

Прежде чем объяснять вопросы, я сначала желаю выяснить образ действий нашей переписки. Мне случайно, в начале октября, пришлось узнать, что наша переписка с вами, Дей Иванович, не знаю, как и почему, очутилась в печати «Миссионерского Обозрения» за сентябрь месяц, № 9, книжки 1903 года. Надо полагать, что всё это совершилось не без вашего участия и согласия. Судя по обстоятельству дела, приходится быть уверенным в том, что у вас питается полная надежда опровергнуть до основания молоканские религиозно-внутренние убеждения. Если имеете ревность к этому, то старайтесь, работайте и да поможет вам Бог в этом. И труд ваш, по всему вероятию, напрасным быть не должен: наверняка со временем пожнёте прекрасные плоды, если не ослабеете.

Для выражения моих добрых чувств я воспользуюсь вашими словами. Вы говорите так: «Вчерашний гонитель, хулитель, обидчик покидает свой лагерь и начинает с ревностью проповедовать ту веру, которую он, ещё не так давно, силился истребить». Мы теперь смотрим на вас, Дей Иванович, что вы думаете то же самое. Вы от начала из молокан, а теперь сделались гонителем и хулителем своих единоверцев, и нам, молоканам, придётся ожидать вашего поворота на пути, подобно Павлу; но для нас гораздо труднее идти против внутреннего смысла,
~~~~~~~~

чем Павлу против ложных учений; вы ещё не сражались до крови, подобно Павлу или нашим предкам. Царствие Божие берётся усилием, — так написано: «Ищите прежде Царствия Божия, а остальное всё приложится вам». Считаю при этом не лишним сказать вам: «Берегитесь оскорблять, поносить, называть дурными словами кого бы то ни было: унижающие других унижают себя и утрачивают любовь к добру».

На ваше письмо, напечатанное в «Миссионерском Обозрении», до появления его в печати я написал вам два ответных письма, но ни на одно из них до настоящего времени не удостоился получить ответа. Почему это так? Для меня этот вопрос был крайне непонятным, темным и заранее трудно и даже невозможно было определить. Всё, что Бог делает, не бывает к худшему, но к лучшему.

Мне случайно пришлось быть у Зиновия Даниловича Захарова и достать у него в печати наши письма, — с этого времени мне стала понятна причина вашего молчания: по всему вероятно для нашей переписки вы избрали совсем новый путь, направив эту переписку через печать. Что ж, я не против этого, — пусть будет, по-вашему. Я не намерен от этого уклоняться, а тем более потому, чтобы не дать и вам повода отступать от этого.

Я не могу уверить вас в том, будет ли на это согласна редакция, станут ли печатать. Что касается лично меня, то я всегда готов дать отчёт в молоканском религиозном убеждении, так как я и есть один из них.

Допустим, что я нового для вас ничего сказать не могу, но сказать то, что могу, я всегда, по силам своим, постараюсь с большим удовольствием, только пожалуйста не ленитесь слушать и при том отвечать.

Теперь перейдём к содержанию наших вопросов и постараемся не уклоняться от хода нашей переписки. Началом моего письма будет ответ на ваше то письмо, которое было помещено в печати.

Вы, Дей Иванович, в подтверждение и укрепление своих убеждений в крещении водою и преломлении хлеба, всецело создались на практику и формалистику Господа нашего и учеников Его, т. е. на крещение Иоанново и апостолов, вы отвечаете так: «Иоанн и ученики крестили, и вы крестите; Господь и ученики преломляли хлеб, и вы преломляете и т. д.», и затем, для своего оправдания, поясняете так: «Кому когда вздумается в этом обвинять или нападать на вас, то пусть нападают и обвиняют тех, кто сами делали так и так же точно учили и вас», и приводите в заключение, что виноват именно тот, кто сказал: «Идите по всему миру, проповедуйте Евангелие всей твари, и кто поверит и крестится, спасен будет». Какое имеет значение приведенная практика, — по поводу этого ничего не разъясняется.

Опровергать эту практику в буквальном смысле мы не беремся, а сделаем вот что: поставим практику более важную и лучшую и не угодно ли вам будет, тогда самому Мазаеву подвергать её как по букве, так и по внутреннему содержанию. Христос сказал о крещении, — Он же ещё сказал: «Трудно богатому войти в Царствие Божие», а потому приказал продать хозяйство и раздать нищим; ученики делали это, и у них всё было общее: потому ученики ещё делали и вот что: преломляли каждый день по домам хлеб; ученики продолжали держаться Моисеева закона и в Пасхе, и в праздниках, и в различных омовениях, ученики продолжали для благословения приносить детей. Что, Дей Иванович, если бы вы указали и на эту практику и попросили бы нас опровергнуть, то едва ли бы хватило у нас силы опровергнуть это, но нам пока будет интересно знать, что вы скажете относительно этой практики.

Молоканские воззрения относительно практики таковы: смотрим на букву, но не по букве понимаем, а всматриваемся во внутреннюю мысль и содержание, а внешний образ действий буквально видим, как прообраз и только. Следовательно, практика занимает для нас место аналогии, а потому для нас обрядовая сторона совсем не нужна, и мы на ней не останавливаемся, — почему? об этом будет ниже пояснено. Для вас же, баптистов, эта практика не может не иметь значения, так как вся ваша постройка на букве, на практике, на внешнем обряде, на формалистике; поэтому для вас является необходимым принять и остальные практические условия, в противном же случае придётся или опровергнуть, или же согласиться с нами на том основании, что практика ваша — голая буква, а потому она совершенно ничего не доказывает. На все внешние обряды мы можем сказать, согласно евангельскому объяснению, помещённому в следующих словах: Христос, совместно со Своими учениками, продолжал исполнять в точности все до ниточки ветхозаветные правила закона на том основании, что Христос был подчинён закону и закон этот, из которого ни одна черта, ни одна йота не осталась не выполненной Самим Господом (выполнял Он), как необходимое доказательство возможности его выполнения. Крещение водою — это правило не было новым; чтобы уверить вас в этом, вы можете убедиться из того, что весь Синедрион не был в состоянии упрекнуть Христа в нарушении существующего еврейского правила закона. Строгая формалистика фарисеев не могла подыскать причину, достойную смерти: вещь бесспорная, что ни Сам Христос, ни Иоанн, ученик Его, никто из апостолов не был доказан в нарушении еврейского закона, всё это доказывается не в пользу баптизма и его практики, а в пользу того, что крещение, т. е. погружение в воду, проще сказать, очищение, омовение водою, — совершалось во дни Израиля под строгим наблюдением еврейских правил; в противном же случае нарушители еврейских правил, а тем более распространители нового учения и опровергавшие старое, подобное явление, на котором бы незамедлительно виновные попали на скамью подсудимых; следовательно, все ваши приведённые доказательства относительно омовения водою, или погружения в воду, относятся к ветхому закону, все это весьма справедливо — с одной стороны, а с другой, что обряд этот для израильтян носил на себе благодатный, священный характер: очищающую, освящающую силу, и настолько для евреев был дорог и свят, что ни один из евреев, не омывшись водою, не имел права, по уставу закона, быть присоединённым в день очищения к израильскому обществу, это факт. Исаия пророк провозглашает: «Омойтесь, очиститесь, и будете чисты», и Павел апостол подтверждает то же самое, что различные омовения до времени исправления были; наконец, прочтите Левит, 16 главу с 24 стиха, и из 17 главы, стих 16, и из 10 главы 1-го послания к Коринфянам с начала, — так ясно говорится, что евреи совершали крещение. И неоднократно писал вам, Дей Иванович, что крещение Иоанново принадлежит к ветхозаветному правилу и доказывал, что вы не отличаете разницу между погружениями и омовениями Иоанновыми и еврейскими омовениями: Иоанн пророк проповедовал веру в Грядущего, Моисей тоже самое; Иоанн при покаянии очищал водою, и евреи то же самое. Разница только в том, что Иоанн уже был последним пророком, а потому и более торжественно совершил своё поприще. Само собой понятно, что вся сила и власть, достигнутая пророками ветхого завета, должна была проявиться в одном лице, в лице Христа, ещё более и с большим блеском.

Что крещение Иоанново несовместимо с крещением Иисуса Христа, собственно по той причине, что крещение Иоанново совершалось в покаянии — это первое, второе — оно совершалось для прощения грехов, третье — оно совершалось для того, чтобы веровали в Грядущего, четвёртое —

оно совершалось для того, чтобы Христос был явлен Израилю; теперь спрашивается: изменил ли Христос этот обряд действия крещения? Как изменил и когда? По словам апостола Павла заметно, что различные омовения и обряды продолжались очень долго. После всего этого я вас спрашиваю, Дей Иванович, скажите прямо, не уклоняясь ни направо, ни налево: в таком ли точно — неизменённом содержании, смысле и значении вы совершаете вашу практику? Если не в таком содержании, то, следовательно, ваша практика совершенно ничего не подтверждает. Следует, по порядку, ещё далее. Дело вот в чём, — что все правила внешние обрядовые, находящиеся в Ветхом Завете, были для нас не больше ни меньше, как прообразами: погружение в воду для израильтян было благодатным средством во внешнем содержании и смысле, и для нас теперь крещение также благодатно, но только во внутреннем смысле и значении, согласно словам пророка Захарии, 13 глава, 1 стих: «откроется благодатный источник для омовения греха»; следовательно, разница между этими омовениями громадная: евреи пользовались по букве, а мы по духу от Духа. Вот видите, Дей Иванович, я теперь только понял вас и себя, именно в том, что мы оба строго держимся практики и так часто повторяем её буквально на словах, а на деле практикуемся с вами совершенно различно: вы, баптисты, — во внешнем смысле и значении, а мы, молокане, — во внутреннем смысле и значении. Под одним и тем же словом — «крещение» — есть два смысла; не будь сего, то мы скоро бы пришли к одному заключению.
Баптизм уверяет слушателей, что он основан на практике, а между прочим, не видит в крещении водою благодатного средства — это раз; потом, на вечере Господней Сам Господь назвал хлеб Своим телом и вино Своей кровью — это два; затем, Христос чашу назвал Новым Заветом — это три; и вы не хотите в этом случае безусловно пользоваться внешнею практикою, следовательно, говорите одно, а делаете совсем другое. Так не лучше ли уж было бы для вас или не искажать, или же, чтобы не хвалиться этою практикою, не выгодней ли было бы для вас держаться одного берега: если внешнему — так внешнему, внутреннему — так по-молокански, уж внутреннему смыслу и содержанию, и, таким образом, вы не могли бы искажать ни внутреннего, ни внешнего значения. Но при такой мотивировке у вас выходит следующее: на каком дереве вы сидите, то же самое дерево и рубите. Пора, друг, это видеть и пора дать утвердительное значение смыслу крещения и значению этой какой-то бессодержательной вашей практики. Уклонение или хитрость здесь ни при чём. У вас чуть не целую сотню раз спрашивают: что вы разумеете под словом крещение, под словом практика, вы ставите то погружение, то волю Божью, то присоединение к церкви, то исполнение правды Божьей, то заповедь, то практику, и в конце концов оказывается, что в крещении совершенно нет никакого содержания, или смысла, или значения. А если не разумеете в ней ничего, кроме сухой формалистики, то объясните её внутренний смысл и значение; но вы от этого объяснения, понятно почему, уклоняетесь, вероятно потому, что замечаете, что скорее на вашей широкой дороге лежит камень преткновения, чем на узкой молоканской, и если бы вы решились объяснить внутренний смысл и значение этой практики, то живо бы поняли, кого вы называете васанскими телятами.
Не ваше ли учение баптизма расходится с учением Слова Божьего и не может оно слиться с молоканскими воззрениями и не совпадает оно с прочими вероучениями, — вот это-то и удивительно. В одном из ваших писем ко мне сказано так, что крещение водою вами совершается для плоти; в другом ответе: вы совершаете крещение для «взаимных пополнений», а в чем именно заключается это «взаимное пополнение», пояснений никаких не даёте; в третьем письме отвечаете, что в крещении водою вы видите какую-то жизненную силу; в четвёртом помещаете в

брачный союз, что Бог сочетал, того человек не разлучит; развода нет; и эти смыслы, содержание и значение в крещении водою у вас сменяются подобно тому, как сменяются дни и ночи. Водное крещение имеет благодатную силу, жизненную силу, брачную связь, — ну и прекрасно, и держитесь, пожалуйста, этого одного, и нам будет понятно, и если я и не могу согласиться с этим, то, по крайней мере, мне будет видно, что я должен буду опровергать, и простой ваш ответ не заставит нас снова и снова спрашивать вас и добиваться, откуда ваше крещение: от внешнего ли обряда, от воды, или же от внутреннего смысла и содержания. Да, перестаньте твердить, пожалуйста, одни слова: практика, и практика, заповедь, заповедь, и заповедь, и тут не много, и там не много, — в этих словах никто не поймёт вашего смысла, а быть без смысла этой практики равносильно тому, что быть и без чувств.
После стольких доводов, я полагаю, что держаться на сухой формалистике, или на бессмысленной практике, одно и то же, что висеть в воздухе без аппаратов. Объяснять же под водным крещением внутренний смысл вам не выгодно: это значит прямо водному крещению придать значение прообраза, и действительным смыслом в крещении тогда приходится видеть не обрядовую сторону, а внутреннюю, — это для вас будет слишком наглядно; соединить же внешнюю сторону с внутренней, соединить букву с духом — на эту удочку баптизма не затянешь, так же точно едва ли баптизм может удержаться на плотском крещении, несмотря на то, что уже сказали, что это крещение совершается только для плоти, а не для души. И — так, друзья, пока мы вас понимаем так, что ваше крещение стоит в ряду сирот, а преломление хлеба в закусочном обряде, то это прямо-таки, как облака безводные, носимые ветром, или осенние деревья бесплодные, дважды умершие и исторгнутые из всякого смысла и содержания, несостоятельность которого едва ли стоит доказывать хоть сколько-нибудь серьезно. Что такое формалистика? Это значит практика. А что такое практика? Это значит формалистика — в этом, я думаю, никто не может разобраться.
Перейдём теперь к убеждениям молокан в этом отношении. Молокане, было бы вам известно, строят все свои понятия на внутреннем смысле, содержании и значении, под внешним же правилом, существовавшим в крещении и вечере ещё до Христа, при Христе и продолжавшим существовать и после Христа. Во всём этом мы видим один внешний прообраз, тот самый, который показан выше, подобно тому, что человек есть дух, а не плоть. Следовательно, плоть для нас — это внешний храм, и не храм живёт в духе, а дух живёт в храме. Точно так же не обрядовая сторона крещения и преломления находится во внутренней силе, а внутренняя сила находится во внешнем смысле.
Ещё один пример: не картину мы называем действительной фабрикой, а действительную фабрику. Теперь перечислим: плоть не есть человек, картина не есть фабрика, внешний обряд крещения не есть крещение. Как мы понимаем в плоти — человека, в картине — фабрику, в крещении — крещение, в преломлении — преломление, всё то, что составляет внешнее, всё это и составляет один прообраз того внутреннего смысла и значения, который находится под внешним. Таких внешних прообразов в Священном Писании есть целая масса, выражающих под одним словом два содержания: внешний и внутренний смысл и значение. Например, под белой одеждой, под банею водной, под живым источником, под хлебом или вином, под крещением, под преломлением. Скажите по совести, в каком выражении нет внутреннего смысла и значения под внешним. Точно так же есть внутренний смысл под рождением, умиранием, воскресением, погребением, под брачной одеждой, и если вы сознаёте, что есть внутренний смысл под каждым

внешним предметом, то для чего вам оставаться на буквальном, на внешнем, не имеющем в себе ничего общего с внутренним смыслом и значением?
Почему вы относите слова Господа на последней вечере, или слова: «Кто поверит и окрестится...», или слова: «Кто не родится свыше...» не к внутреннему смыслу и значению, а к внешнему? Неужели вы полагаете, что сила, жизнь и благодать без внешнего не могут действовать на рождение человека? Внутренний смысл, содержание крещения — это духовное рождение свыше, от духа. Под духовным смыслом крещения Христос разумеет переворот нашей жизни: «смерть ко греху, воскресение к Богу духом». Внутреннее крещение или, так сказать, внутреннее рождение, внешняя обрядовая сторона дать не в состоянии. Переворот жизни совершается не в воде, а на сухом берегу, от источника действующего, живого и оживотворяющего во внутреннем смысле и значении.
Ковчег спасения применяется не к внешнему смыслу, крещению водою, а к тому внутреннему смыслу, который под внешним. А кто относит спасительную силу к внешнему ковчегу, или водному крещению, или буквальному преломлению хлеба, тот не видит того, что он придаёт жизненную силу и значение внешнему, буквальному, а не внутреннему смыслу и значению. Жизненную силу придавать материи — это значит обоготворять, обожать внешнюю вещь и видеть спасение не в Боге, а в ковчеге, и не во внутреннем смысле крещения, а во внешнем. Не так ли? Молокане убеждены, что держаться следует одного внутреннего разумения, а не буквального. Под хлебом ошибочно понимать естественный хлеб, но не ошибочно понимать лично Христа; под крестом ошибочно понимать внешний крест, но не ошибочно понимать страдания Господа; под вином ошибочно понимать кровь, но не ошибочно понимать учение Христа; под плотью, как сказано: «Кто не будет есть плоти...», ошибочно понимать действительную плоть Христа, а не ошибочно понимать Духа Святого; под чашей Господней ошибочно понимать естественную чашу, но не ошибочно понимать отношение Бога к человеку. Пить чашу Господню — это есть отношение человека к Богу. Под словом крещение, как разъяснено выше, не ошибочно понимать новое рождение; под елеем или помазанием ошибочно понимать естественное масло, а не ошибочно понимать слово Божие и молитву; под омовением ног ошибочно понимать внешнее омовение, а не ошибочно понимать служение любовью друг другу, всякому человеку. Доказательства подробного, для внутреннего понимания под внешним, я потому не привожу, что надеюсь, что едва ли встретится такой человек, который стал бы опровергать этот внутренний смысл и содержание, существующие под внешним.
О внутреннем смысле крещения я выше сказал, а теперь вкратце сделаю пояснение относительно духовной вечери, духовного преломления хлеба и воспоминания. Прошу прочесть 12 главу первого послания к Коринфянам, смысл этой двенадцатой главы выясняет содержание 11 главы там же; в 12-й главе говорится то, что Христос разделил как хлеб естественный на вечери, так Он разделил дары Духа Святого. Церковь, пользуясь дарами Духа Святого, пользуется вкушением духовного хлеба; дары различны, а дух, т. е. духовный хлеб, один и тот же, и только при таком вкушении хлеба совершается его воспоминание.
О внешнем хлебе апостолы приказывают не в церкви или на вечере Господней кушать, а дома, так как в церковь собираются не за этим. Внешний человек состоит из земли и питается он той же пищей, что из земли, а, следовательно, не может наследовать нетленного; внутренний человек есть дух, и в результате этих двух человеков так, что внутренний человек умирает при нищете духовной. Следовательно, Христос на последней вечере заботился не о теле нашем, т.е.

не о естественном хлебе или пище, а о духовном нашем человеке, о духовном хлебе. Если бы Христос разумел естественный хлеб, то Он не назвал бы этот естественный хлеб Своей Плотью, а вино — Кровью, а чашу — новым заветом, а крещение — благодатным спасением, т.е. не дали бы нам повода думать о внутреннем смысле, о жизненной силе.

И слышу, мне говорят, что непонятно, каким образом внешний образ действия выполняется во внутреннем, и таким образом одно понимание, т.е. внешнее, исключает внутреннее, а внутренний смысл исключает внешний. Я думаю, что это очень просто: каким образом медный змий, кровь козла, жертва барашка, хлеб выполняются или, вернее всего, уже выполнились во Христе. Каким образом еврейское обрезание выполняется у нас на сердце. Мы и теперь не перестали приносить жертвы, но каким образом все это выполняется? Конечно, во внутреннем смысле и значении и т.д. Духовные жертвы исключили внешние жертвы, духовное обрезание исключило видимое и т.д. Таким же образом духовное крещение исключает внешнее, духовное преломление хлеба исключает буквальное, духовное рождение исключает плотское. Разве мы прикроем наши недостатки внешней белой одеждой? Разве мы омоем себя банею водной? Разве жизненная сила находится в чем-нибудь внешнем? Разве нет внутреннего смысла под каждым внешним? Для чего тогда Христос говорит: «Отцы ваши ели манну и тогда умерли»? О внешнем ли смысле Христос так сказал или о внутреннем? Следовательно, я повторяю, слова Спасителя: «Кто поверит и окрестится…» не следует и не должно относить к внешнему смыслу, чтобы не исключить внутренний, а должно отнести к внутреннему смыслу, чтобы исключить внешний. Подобное отрицание внешний через внутренний, а внутренний через внешний — это понимание в прямом смысле и есть исключение одного другим: всякий внешний прообраз в своём настоящем: значит внутреннее содержание выводит наружу, осуществляет во мне мысль, таково условие всех последствий внешнего образа действия сила и жизнь спасения зависимы от внутреннего смысла и значения. Через это, может быть, спасутся немногие, а сила и жизнь спасения, зависящие от внешнего обряда, едва ли помогут спастись хотя бы одному. Рождение от плоти констатирует рождение от Духа, внешние прообразы в своих обрядах констатируют внутренний смысл, и, наконец, внешний прообраз стушёвывается во Христе. Молоканин глубоко убежден, что ему, при внутреннем понимании и содержании, справедливо, надежно и легко стоять против буквы, против прообразов, против внешнего смысла, против практики, против формалистики, сверхъестественное против естественного; нет того естественного, в котором или под которым не было бы сверхъестественного. А потому молоканин гораздо тверже и благоразумнее баптиста. Но нельзя этого сказать о баптизме: баптист искажает внешней практикой, одной формалистикой внутренний смысл, а внутренним смыслом искажает внешний. Баптист в день суда наверняка объявит, что они ели, пили и на улицах наших Ты учил нас. Справедливым будет и то, что он должен будет получить в ответ: «Если бы ты ел тело — плоть, а не хлеб, если бы ты пил кровь, а не вино…» И ещё не менее справедливым будет услышать: «Отойди от меня…», потому что внутренний смысл и содержание прикрыли внешним и не могли понять того, что внешность должна сопровождаться внутренним настроением, а не внутреннее — внешним, и, кроме того, ждать помощи от этой внешности или считать её сверхъестественной — это есть полное суеверие.

Итак, кто разумеет, что два крещения помещаются в одном слове «крещение» — внешнее и внутреннее, тому излишне будет доказывать: можно ли быть рождённым без внешнего крещения. Отвечаю: «можно», а без другого крещения — внутреннего — нет. Не мешает и вас спросить:

докажете ли вы, что без внутреннего крещения можно, а без внешнего — нет. Дух Божий производит в человеке переворот, сам человек глубоко верит и искренне общается; одно делает Бог, другое — сам человек; внешнее же крещение само нуждается в помощи человека. Умереть и воскреснуть без картины очень просто, потому что крещение находится под внутренним смыслом крещения, а не под внешним; внутренний смысл крещения и есть тот самый акт, деятель и орудие, а под внешним что может быть? Отвечу ещё на один вопрос: почему апостолы совершали внешнее омовение и исполняли сносные обеды по 11 главе? Потому что апостол Павел так поздно восстал против всех обрядов и омовений. Следовательно, само собой разумеется, кто претыкается более 1000 лет о камень — конечно тот, кто стоит на внешнем смысле, а не тот, кто на внутреннем.

Остаюсь с искренним почтением к вам, Максим Иванович Калмыков

~~~~~~~~●~~~~~~~~

Продолжение журнал "Баптист" № 25, 15 июня 1911 год

18 декабря 1904 года.

Любезный друг, Максим Иванович.

Теперь только собрался ответить тебе на твоё письмо; прошу простить за промедление. Ты называешь меня «гонителем и хулителем» молоканства, чем я никогда не был и быть не желаю; сам же в это время нападаешь на практику Господа Христа и Его сотрудников и дерзаешь называть оную или «бессмысленной», или «сухой формалистикой». Меня лично это нисколько не задевает и не оскорбляет, равно как нисколько не умаляет значения и силы моих доказательств, но я боюсь, что ты можешь быть причислен к разряду тех людей, которые злословят то, чего не понимают. — Я, правда, веду войну с молоканством, обнаруживаю его слабые места и показываю его богословскую несостоятельность, но это не гонение и не хула, а одна только горькая правда. И этот мой труд я совершаю без озлобления, без раздражения и с истинной христианской любовью.

Молоканство давно представляет собой «наклонившуюся стену» или «пошатнувшуюся ограду», а потому защита молоканства в его настоящем виде есть труд неблагодарный и бесполезный, и это значило бы «замазывать трещины грязью», как это делали некогда лжепророки израильского народа. Моё отношение к молоканству было и есть — отношение израильтянина к Египту или отношение апостола Павла к иудейству. Египет, доколе не пришла определённая Господом «полнота времени», был для Израиля временным убежищем, где евреи были сокрыты «под тенью его»; когда же исполнилось время, то Моисей, не взирая на скорби впереди и на опасность позади, «оставил Египет», и хотя он хорошо помнил слово своего Бога «не возвращайтесь этим путём», но и не забывал сказанного теми же устами «не гнушайся египтянином» (Втор. 17:16; 23:7). Точно так же и молоканство для меня было временным плотским гнездом, в котором я прожил долгий период неведения и некоторый период моего «детства» до того момента, когда надлежало «открыться вере». Когда же настал вожделенный час «пробудиться от сна», то, хотя я, подобно Елисавете, некоторое время «таился», но уста мои, как некогда уста Захарии, «разрешились», и я, пришедши в возраст, должен был «забыть народ мой и дом отца моего», дабы в числе прочих «живых камней» устроить из себя «дом духовный». С тех пор молоканство смешалось в моих глазах с множеством других религиозных общин,
~~~~~~~~

которые, «плодясь и размножаясь», одновременно наполняют и землю, и церковь, ибо наполняют последнюю такими существами, «которые от плоти» и от «хотения мужа», а не от Бога родились, и я с тех пор «никого не знаю по плоти». Возвратиться назад тем же путём я уже не могу и не могу гнушаться молоканином, тем более что я имею среди молокан, как апостол Павел среди евреев, немало «сродников по плоти», за которых я не перестаю возносить к Богу мои молитвы «во спасение». Верь, что мне очень жаль молокан, родных мне по плоти, что они, читая всегда Слово Божие, стоят как бы очень недалеко от Царства Божия, а между тем ясное учение Христа Иисуса о крещении и вечере Господней сокрыто от их очей и остаётся «словом в запечатанной книге» или сокровищем, «сокрытым на поле». Причина такого печального состояния их в том, что они, надмеваясь «плотским умом», забывают, что тайны царствия открывает нам не плоть и кровь, а Отец наш на небесах и Сын Божий, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. Я до сего дня ещё не видел ни одного молоканина, который просил бы Господа о уяснении ему этих установлений Его: все же те, кого я ежедневно и ежечасно вижу, не ищут откровений в благоговейном исследовании Священного Писания с чистой душой и молитвой, а делают только какие-то вылазки и набеги на истину Господню, и естественно, что Бог не просвещает их тьму, и они остаются во мраке. Так было всегда и так будет до конца: искали некогда младенца Иисуса волхвы — искал Его также и Ирод, и что же? — волхвы нашли Его, а Ирод не нашёл. И почему? Потому что волхвы искали Его с любовью, чтобы «поклониться Ему», а Ирод искал с злобой и коварством, чтобы «погубить Его»... Всё сказанное здесь мною относится всецело к молоканским вождям вообще и к тебе, мой друг, в частности, так как ты в этом отношении не составляешь исключения.

Так ты по поводу моих ссылок на евангельскую веру и практику «очевидцев и служителей слова» заявляешь, что: «опровергать практику в буквальном смысле мы не беремся, а сделаем вот что: поставим практики более важные и лучшие» и начинаешь перечислять некоторые из дел учеников Господа, как то: продажу имений; преломление хлеба по домам; принесение для благословения своих детей и прочее. Этим ты показал, что вступать в открытый и честный бой ты не можешь, но и покориться очевидной истине ты тоже не желаешь, а хочешь перенести беседу на иную почву, как бы зайти с тыла. Такой оборот есть ясное выражение бессилия и есть — худо скрытое бегство, и он мне очень живо напоминает два исторических события, так что я в твоих словах как бы слышу голос сириян, которые после поражения от евреев говорили: «Бог их есть Бог гор, поэтому они одолели нас. Если же мы сразимся с ними на равнине, то верно одолеем их», и в твоем маневре зайти с другой стороны, я как бы моими глазами вижу бедного моавитского царя Валака, который в бессильной злобе таскает продажного Валаама с одной горы на другую, тщетно ища такого места, откуда было бы можно проклясть народ Божий (3 Цар. 20:23; Числ. 23:13 и 27). Однако, хотя ты прямо опровергать практику Христа и апостолов не взялся, но и не мог обойти это больное для всего молоканства место, которое, подобно распустившемуся жезлу Аарона, поставлено Богом «в знамение для непокорных» и служит для них во все времена живым молчаливым упреком, — и начал, как бы нехотя, пытаться опровергнуть его. Ты говоришь, что неоднократно писал мне и доказывал, что крещение Иоанново и вообще крещение водою относится к Ветхому Завету и утверждаешь эту свою мысль тем умозаключением, что евреи якобы не видели в этих действиях ничего нового и чуждого их еврейскому культу, а иначе они посадили бы Иоанна на скамью подсудимых. Будучи же ревнителями всех законных омовений, они шли массами к Иордану и омывались. — Правда, ты

неоднократно писал мне это, и у тебя были сильные попытки доказать этот твой взгляд, но это не увенчалось успехом, так как ни Евангелие Иисуса Христа, ни закон Моисеев не поддержали тебя, и ты остался покинут и одинок. А тут еще как на зло среди поклонников различных омовений нашлись такие законники и фарисеи, которые отвергли волю Божию о себе и не крестились от Иоанна. Эти «порождения ехидны» своим враждебным отношением к воле Божией связали сначала самих себя, а потому впоследствии вяжут и вас. Чтобы навсегда положить конец дальнейшим ссылкам в этом отношении на Ветхий Завет и преградить тебе путь к этому убежищу, я попрошу тебя и всех твоих единомышленников ответить мне на следующие вопросы: в Священном Писании говорится, что святые будут судить мир. Предположим, что эти «святые» — это молоканские старцы, и представим, что среди этих старцев восседаешь и ты. Настает день суда, и в ваше судилище в качестве обвиняемых входят известные вам и нам законники и фарисеи, преданные вашему суду за то, что они некогда, в дни Иоанна Крестителя, отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него. Скажи мне — как вы поступите с ними? Если мы знаем, что никто не будет обвинять избранных Божиих, когда сам Бог оправдывает их, то не должны забывать и того, что едва ли кто осмелится оправдывать тех, кого сам Бог обвиняет в Слове Своем (Притчи 17:15; 24:24). Итак, еще раз спрашиваю: оправдаете вы или осудите их? И если осудите, то на каком основании?
Но, прежде чем отвечать на поставленный мною вопрос, я попрошу тебя вникнуть глубже в само обвинение. Слово Господне ставит имена подсудимых к позорному столбу и предает их «вечному сраму» не только за то, что они не крестились, а и за то также, что они не крестились от него, т. е. от Иоанна. Такое двоякое обвинение возлагает на судей двоякую обязанность разъяснить подсудимым и доказать им, во-первых, что действительно «воля Божия» требовала, чтобы люди крестились в воде, и, во-вторых, что эта же воля Божия требовала, чтобы крещение было принимаемо непременно от Иоанна. Когда вы все это разъясните и докажете подсудимым, и тогда укажете им соответствующие места Писания, то тогда ваш суд и ваше их осуждение будет совершено «силою Господа нашего Иисуса Христа», а иначе ваш суд будет только судом человеческим. Теперь отвечай мне, как и на каком основании вы поступите с ними?
Ты столь долгое время настоятельно и упорно утверждал, что крещение Иоанново было ветхозаветным, теперь представляется удобный случай доказать это на законниках и фарисеях, и ты постарайся. Одно жаль, что у тебя пять других доказательств, кроме постоянно и безуспешно приводившихся, а именно: книга Левит 16:24 и 17:16 и пророка Исаию 1:16. Рассмотрим эти места: правда, как книга Левит, так и пророк Исаия одинаково требуют «омовений и очищений», но только ни одно из этих мест Писания не отсылает евреев на Иордан и ни одно из них не ставит исполнения этих «относящихся до плоти» омовений в зависимость от постороннего лица, даже больше — точный смысл книги Левит в указанном тобою месте обязывает, чтобы это омовение было совершено на известном «святом месте», т. е. в Скинии или в храме (Лев. 16:24; 2 Пар. 4:6-10). А потому, если подсудимых законников и фарисеев причислить к священству, то требовать от них хождения на Иордан и требовать исполнения омовений непременно от Иоанна положительно нельзя, ибо они всякое омовение могли совершить сами и в храме; если же подсудимых отнести к простонародью, то дело становится еще проще, и им нет никакой надобности идти к Иоанну или на Иордан и даже в самый храм, ибо они все свои «различные омовения» могли совершать сами и у себя на дому из тех же «каменных водоносов», которые тебе достаточно известны, и которые у них по их «обычаю очищения» всегда имелись (Иоан. 2:6).

Итак, как же вы поступите с ними?
Боюсь, что вы по отношению законников и фарисеев окажетесь в таком же затруднительном положении, в каком некогда законники и фарисеи оказались по отношению к женщине, взятой в прелюбодеянии (Иоан. 8:1-9).

Желаю тебе всего хорошего. Твой Д. Мазаев

~~~~~~~●~~~~~~~

Продолжение журнал "Баптист" № 26, 22 июня 1911 год

Крепкая, 26 декабря 1904 года.
Любезный друг, Максим Иванович!
18 сего декабря я послал тебе мое первое ответное письмо, теперь же, как продолжение первого, посылаю тебе второе. В первом письме я ограничился опровержением твоих прадедовских взглядов на Иоанново крещение, как на ветхозаветное еврейское омовение; теперь же мне предстоит доказывать, что крещение Иоанна и вообще крещение водою не было ветхозаветным омовением и не имело с ним ничего общего, а представляло собой новое, независящее от Синайского законодательства, откровение Бога, предназначенное отнюдь не для подзаконного еврейства, а для людей всех племен и языков, имевших составить из себя во Христе Иисусе «дом духовный» — «жилище Божье».
Приступая во Имя Господне к моей, хотя и нелегкой, но очень для меня приятной задаче, я не буду вести тебя в дебри человеческих умозаключений и предположений, а приведу тебя к вопросу моего Господа, вопросу, именно, о крещении Иоанна, предложенному некогда иерусалимским фарисеям и книжникам: «Крещение Иоанново с небес было или от человеков?»
Зная, что даже патентованные лицемеры не посмели отрицать небесное происхождение крещения, я почитал бы излишним входить в подробное объяснение этого, в сущности уже давно решенного вопроса, но, зная также отрицательное и даже враждебное к этой ясной истине всего нашего молоканства отношение, и, имея обильные на этот счет в Слове Божьем доказательства, я с радостью пользуюсь представившимся мне случаем привести таковые и в возможной полноте раскрыть перед вами этот вопрос.
Не скрою, что всегда, беседуя с представителями молоканства по данному вопросу, я выносил убеждение, что они знают кое-что о вопросе как бы понаслышке, и что вопроса в его полноте они никогда не исследовали и самого Евангелия как бы никогда не читали. Отсутствие группировки текстов и цельности представления о предмете меня всегда поражало, огорчало и устыжало, и я с грустью сознавал, что других выводов о крещении, кроме тех, кои они высказывают, от них при их настоящем отношении к священному Писанию и ожидать нельзя. Ибо, кто читает Слово Божье без строго определенной цели уяснить себе истину, без благоговения, без молитвы и не останавливается для серьёзного размышления, а лишь случайно и как бы мимоходом схватывает отрывочные сведения, коим также придает свою окраску, то такой человек, или «муж безрассудный», как его называет Сам Господь, легко может впасть в опасную ошибку и вывести заключение не только не близкое к настоящей истине, а даже совершенно ей чуждое — если, например, взять отрывочно слова Ангела о Иоанне Крестителе: «он предъидет пред Ним», т.е. пред Господом, или слова евангелиста: «явился Иоанн, крестя в пустыне и пр. (Лук. 1: 17; Марк. 1:4), то ведь совсем не трудно вывести заключение, что он предвидел или что он явился сам
~~~~~~~

собой, и что, следовательно, крещение Иоанново было не с небес, а от закона Моисеева или просто «от человеков». Когда же Слово Господне исследуется во всей его полноте и когда добросовестно принимаются во внимание все касающиеся данного вопроса свидетельства оного, то в результате получается совсем иной и истина Господня представляется духовному взору человека во всей её полноте, во всем её блеске и величии. Так как кроме приведенных мною двух свидетельств, мы имеем множество других, и среди них имеем свидетельство «большее человеческого», — свидетельство Самого Господа, Который не только открыл нам, что из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя, но и засвидетельствовал, что именно о нем-то и было некогда сказано Богом через пророка Малахию: «Се, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим». После какового свидетельства нам становятся вполне ясными и понятными слова ученика, которого любил Иисус: — «Был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн». (Ев. Иоан. 1, 6).

Это еще не все. Мы должны быть особенно благодарны возлюбившему нас Господу за то, что Он все более и более просвещает нашу тьму и тем облекает нас в всеоружие света. Царь Ирод, хотя жил среди имевших о Христе обетование евреев, однако был настолько окутан тьмой, что не знал ни времени, ни места рождения Христа; пришедшие же откуда-то с востока мудрецы (волхвы) не только видели звезду Господа, но могли объяснить несчастному Ироду даже время появления звезды (Мат. 2:1-7). Так и нам ныне наш Господь открывает, как тайну Своей воли, так равно и время, когда эта воля была впервые возвещена грешному человечеству. Относительно этой отвергнутой фарисеями и законниками «воли Божьей», нам тоже определенно открыто, и мы знаем, что она возвещена не на Синае, не через Моисея, Иисуса Навина, не во дни судей или царей Израилевых, а в пустыне, в пятнадцатый год правления Тиверия Кесаря при первосвященниках Анне и Каиафе, когда Иоанн, сын Захарии, получив «глагол Божий», проходил по всей окрестной стране Иудейской, проповедуя крещение покаяния и крестя в пустыне (Лук. 3:1-3; Марк. 1:4). Из всего сказанного мною выше для нас вполне ясно, что учение Иоанново было с небес и представляло собой «правду» и строго для всех человеков обязательную волю Божью. Пс. 118:138; Лук. 7:30.

Итак, в первом моем письме я говорил, что Слово Божье предъявляет к фарисеям и законникам двоякое обвинение и настаивал, чтобы вы, как судьи, разъяснили по существу, что воля Божья требовала не только, чтобы люди крестились в воде, но чтобы крестились непременно от него, т.е. от Иоанна Крестителя. Теперь я нахожу своевременным точнее разъяснить тебе это обвинение.

Выше мы доказали, что Иоанн Креститель был действительно «послан от Бога», и, надеюсь, не трудно будет доказать, что он был послан не только как пророк и проповедник, но и как креститель и имел поручение не только проповедовать крещение покаяния, но и «крестить в воде». Он, повинуясь глаголу Божию, явился, крестя в пустыне, и все овцы Господни, слушавшие голос своего доброго пастыря, не омывались сами, как это было в Ветхом Завете, а приходили «к нему» и крестились «от него» (Иоан. 1:33, Марк. 1:5). Вам, запутавшимся в дебрях праотеческих преданий, понять это, пожалуй, трудно, и вы не мудрено станете оправдывать фарисеев и законников! Но тогда понять это было не трудно, ибо это было очевидно, тем более, что и Сам будущий Судья живых и мертвых, пред Которым фарисеи — прах и пепел и у Которого даже Иоанн, величайший из рожденных женами, не почитал себя достойным развязать ремень у обуви, не только не пренебрег волей Божьей, но, подчиняясь «правде» возвышенной «с небес»,

тоже крестился от него (Мат. 3:13; Марк. 1:9).
Какое же оправдание могут найти для себя жалкие «порождения ехидны», отвергнувшие волю Божью и не крестившиеся от него?
В начале письма я сказал, что крещение Иоанна не было пережитком Ветхого Завета и предназначалось Богом не для ветхого еврейства, а для «новой твари», имевшей во Христе Иисусе устроить из себя «дом духовный». Что оно не было ветхозаветным, выше уже доказано, теперь вкратце скажу о нем, как учреждении новозаветном.
Господь наш, Иисус Христос, в Свое пришествие имел целью возвестить евангелие благодати Божьей всей твари поднебесной, сказать мир дальним и ближним и, собрав всех рассеянных чад Божьих во едино, создать из них Церковь Свою. «Посланный пред Ним» Иоанн Креститель должен был «идти прежде и устроить все», и он, предшествуя Господу, имел дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их; многих из сынов Израилевых обратить к Господу Богу их и таким образом представить грядущему Господу «народ приготовленный» (Мат. 17:10-13; Лук. 1:77 и 17). Потому и крещение его не было тем, только относящимся «до плоти» омовением, как это было в ветхом завете, а было и духовным приготовлением народа, который он крестил крещением покаяния и говорил людям, чтобы веровали в грядущего и о Судии и суде вечном (Деян. 19:4; Мат. 3:11-12), так что только те бедные люди, которые получили от отцов своих в печальное наследие «сомкнутые очи» или «огрубелое сердце», могут не увидеть и не понять, что крещение Иоанново есть, — как говорит евангелист Марк, — «начало евангелия Иисуса Христа, Сына Божьего» (Марк. 1:1).
Факты. Когда после вознесения Иисуса Христа, церковь решила избрать из среды своей одного ученика, чтобы принять жребий служения в апостольстве, от которого отпал Иуда, то поставила непременным условием, чтобы избираемый был один из тех, которые были с апостолами во все время, когда был и обращался с ними Господь Иисус, начиная с крещения Иоаннова (Деян. 1:21-22). Евангелист Лука, чтобы дать Феофилу твердое основание того учения, в котором он уже был наставлен, решил о всех совершенно известных событиях описать все не только по порядку, а и сначала, и начинает с Иоанна Крестителя (Лук. 1:1 и 3 и 5).
Все приведенное мною совокупно удостоверяет, что кто не принимает учения Христа «сначала» и кто не почитает крещение Иоанново «началом евангелия Иисуса Христа», тот «твердого основания» в этом учении не имеет и иметь не может.
Мой привет. Твой Д. Мазаев.

Крепкая, 1-го апреля 1905 г. Любезный друг Максим Иванович.
За время, как я послал тебе одно за другим два письма, ты, полагаю, мог обсудить все мною сказанное и понять, и оценить положение законников и фарисеев, как подсудимых, а также и положение ваших старцев в чужой для них роли судей.
Не знаю, какое впечатление этот вид суда производит на тебя, мое же впечатление таково, что я не пожелал бы не только себе или тебе, как другу, а и злейшему моему врагу ни того позора, чтобы разделять участь подсудимых, ни той «чести», чтобы сидеть среди ваших судей на их скорбном седалище, ибо положение как тех, так и других равно плачевно и все они одинаково несчастны: фарисеи и законники, отвергнув волю Божью о себе, поставили себя печальным памятником истории, как противников Бога, и навлекли на себя справедливое осуждение благомыслящего человечества во все прошедшие и грядущие века, доколе стоят солнце и луна; ваши же старцы, своим противоевангельским богословием, так запутали себя, что попали в

положение прямо-таки безвыходное: если оправдать подсудимых, то это значит идти против Слова Божьего и своими руками вписать свои имена в списки таких судей, которые и «Бога не боятся и людей не стыдятся» и которых Слово Господне клеймит наименованием «неправедных»; если же их осудить, то значит вместе с ними осудить и самих себя, и своих предков, и всю свою многолетнюю богословскую систему, и бедным старцам, попавшим «в сети свои», не остается иного исхода, как на все вопросы Господа о виновности или невиновности подсудимых повторить старый фарисейский ответ, данный ими некогда по тому же вопросу и в таком же затруднительном положении — «не знаем».

Итак, внимательное и добросовестное изучение священного Писания открывает нам, что крещение водою, получившее свое начало одновременно с проповедью Евангелия Господня, шло всегда рука об руку с проповедью Царствия Божьего, составляя существенную часть его и будет сопровождать его «во все дни, до скончания века». Таково повеление Господа, данное Духом Святым уже по воскресении Его из мертвых (Деян. 1:1-2; Мат. 28:18-20).

Теперь, в заключение нашей беседы, я должен буду пойти на твою «удочку» и объяснить тебе значение крещения и его внутренний смысл и содержание — ты почему-то боялся, что меня на удочку «не затянешь», но это ошибка. Я, правда, в беседах об истине Господней никогда никому ни крючков, ни удочек не расставляю, ибо нахожу это несовместимой со святостью задачей; если же мои друзья ставят удочки, то я иду, не уклоняясь, ибо знаю, что если Господь мой со мною, то хотя бы меня повели и долиной «смертной тени», мне не будет зла и нога моя не поколеблется.

Крещение новозаветное многими приравнивается к омовениям ветхого Синайского закона, с чем оно ничего общего и никакой связи отнюдь не имеет; если же его и можно сопоставлять с каким-либо ветхозаветным установлением, то только с обрезанием, с которым оно действительно имеет некоторое сходство, а именно: есть Пасху мог по закону только тот, кто был уже обрезан; пребывать «в общении», преломлении хлеба и в молитвах церкви Господней имеют нравственное право лишь те, кто «охотно приняв Слово Господне, крестились» (Исх. 12:43-48; Деян. 2:41-42). Но несмотря на это «некоторое» сходство, в этих двух установлениях есть и огромное различие: первое из них требовало: «восьми дней от рождения да будет у вас обрезан во все роды ваши всякий младенец мужеского пола»; второе же установлено так говорить: «идите и научите все народы, крестя их» и: «кто будет веровать и креститься, спасен будет» (Быт. 17:12; Мат. 28:19; Марк. 16:16). И как на священниках Ветхого Завета лежала священная ответственная нравственная обязанность выяснить и убедиться, что день обрезания младенца есть именно «восьмой день» от его рождения, так на служителях Евангелия Господня лежит еще более ответственная обязанность предварительно «научить» человека и убедиться, что он уже имеет веру, и тогда уже можно преподавать крещение. Так действовал первый креститель, крестя людей крещением покаяния, говоря им, чтобы веровали в Грядущего по нему, т. е. во Христа Иисуса (Деян. 19:4); так действовал апостол Петр, когда иерусалимляне, тронутые его замечательной проповедью, спросили его и прочих апостолов: «что нам делать?» — Он отвечал: «покайтесь и да крестится каждый из вас»; так же действовал и Филипп благовестник, когда, приехав к воде, евнух сказал ему: «вот вода; что препятствует мне креститься?» «Если веруешь от всего сердца, можно», — был ответ Филиппа и, когда евнух отвечал: «верую, что Иисус Христос есть Сын Божий», Филипп сошел вместе с ним в воду и крестил его; то же было и в Самарии, где от того же Филиппа крестились мужчины и женщины, которые были крещены не раньше, как когда предварительно поверили Филиппу, благовествовавшему о Царствии Божьем и

о имени Иисуса Христа (Деян. 2:37-38; 8:36-38; 8:12).
Учение передовых представителей Православной церкви и её древняя практика вполне подтверждают только что высказанное мною, и думаю, что ты особенно не обвинишь меня, если я позволю себе привести несколько выдержек из руководящих сочинений Православной церкви и её канонизованных учителей. — Василий Великий так говорит: «вера и крещение суть два способа спасения, между собою сродные и нераздельные. Ибо вера совершается крещением, а крещение основополагается верою, а та и другое исполняется одними и теми же именами. Как веруем в Отца и Сына и Святого Духа, так крестимся во имя Отца и Сына и Святого Духа. И как предшествует исповедание, вводящее во спасение, так последует крещение, запечатлевающее собою наше согласие на исповедание». Практика древней Православной церкви вполне отвечала учению Великого Святого, а именно: «пастыри церкви, говорится в Догматическом Богословии, с самого начала её, от всякого, приступающего к крещению, прежде всего требовали веры и с этой целью старались предварительно огласить его евангельской проповедью, наставить в истинах веры, испытать в них и тогда-то уже преподавали крещение» (Догм. Богосл. Хакари т. II, стр. 327, 344).
Иначе быть не может; ибо Церковь ли в её совокупности, отдельные ли личности в частности, если только они руководятся учением Господа и примерами Его ближайших преемников — «очевидцев и служителей слова» — к иному выводу и иному заключению прийти конечно не могут. Ибо кроме всего того, что уже приведено мною выше, мы имеем в священном Писании такой многозначительный и многоговорящий нам исторический факт, что крещение не по истине евангельской — без предварительного основательного наставления в учении Господнем, даже не признавалось крещением и повторялось (Деян. 19:1-5).
Человек, как известно, состоит из души и тела, а потому и делится в священном Писании на «внутреннего» и «внешнего» (2 Кор. 4:1). Это деление человека на его составные части даёт нам возможность яснее открыть огромное существенное различие двух различных установлений обрезания Ветхого Завета и новозаветного крещения. Так: священники Ветхого Завета, посылавшиеся некогда буквою закона к восьмидневному младенцу, — посылались ли к «внутреннему» или «внешнему» его человеку? Апостолы Господни «очевидцы и служители слова», посланные «по всему миру» и имевшие целью «проповедовать евангелие всей твари» и «научить все народы», — посылались ли к «внешнему» человеку или к «внутреннему»?
Принимая во внимание духовное состояние ребёнка, цель посольства священников и их «оружия воинствования», совсем не трудно решить, что они посылались отнюдь не к духу, а просто к плоти ребёнка, почему и обрезание у Апостола называется «наружным на плоти» (Рим. 2:28). И не только обрезание, а и кропление и различные омовения были относящимися «до плоти» и имели целью дабы чисто было тело, да и самое священство служившее «смертоносным буквам», было священством по закону заповеди «плотской», равно как и весь Израиль был Израилем «по плоти» (Евр. 9:10, 13; 7:16; 1 Кор. 10:18). Получившие же от Господа милость и способность быть служителями Нового Завета, уже не буквы, а «духа» и имевшие оружия воинствования «не плотские» и посланные проповедовать евангелие всей твари и научить все народы, посылались уже не к плоти человека, а к его духу и были в истинном смысле слова «сеющими духовное». И хотя мы видим крещение «внешнего» человека, видимо сходящего в воду или выходящего из воды, то места Писания совокупно утверждают, что «внешний» человек сходил в воду не иначе, как по требованию «внутреннего» и допускался служителем Божьим до крещения не иначе, как

когда предварительно «посеянное в духе» производило надлежащее действие, ибо иначе крещение совершённое без обязательного «обещания Богу доброй совести», не признавалось за крещение, как уже показано выше, а было не больше как «омытие плотской нечистоты» (Деян. 8, 36-38; 1 Петр. 3, 21).
Теперь в заключение всего, я должен буду показать какое место в ряду прочих повелений Бога занимает крещение и что оно собою представляет.
(Окончание следует)

Окончание в журнале "Баптист" № 27, 1911 года. **Этот номер пока отсутствует.**

Действительно окончание статьи "Переписка баптиста с молоканином" вышла в свет в № 27 журнала "Баптист", но весь двадцать седьмой номер был конфискован из-за размещённой в нём статьи под названием "Автобиография и исповедь сектанта".

И братья окончание "Переписки..." разместили в № 29 журнала. Ниже размещаем текст здесь.

(Окончание в журнале "Баптист" № 29, 1911 года)
В последнем, посмертном повелении Воскресшего из мёртвых, где заповедано крещение, мы ясно различаем три отдельных вида воли Господней, а именно:
1) научите; 2) крестя их и 3) уча их соблюдать все (Мат. 28:19-20).
Из этого повеления Господа видно, что крещение водою занимает среднее место между обращением грешного человека к Богу и его дальнейшей жизнью в Боге; оно служит своего рода мостом (в оригинале средостением) между смертью и жизнью, между верой и делами. Для уяснения этой моей мысли я ещё раз проведу сравнение крещения с обрезанием, только не с обрезанием Авраамова потомства, а с обрезанием самого отца всех нас — Авраама, с чем оно имеет большее сходство. Слово Господне свидетельствует, что Аврааму была некогда вменена праведность, что он наречен другом Божьим и что, наконец, ему даровано было обетование быть «наследником мира». Оно свидетельствует нам также, что ни одно из упомянутых благ не было даровано ему законом и что ни одно из них не было дано ему в награду за обрезание, а что все они были приобретены «праведностью веры». Тем не менее мы видим, что Авраам должен был получить обрезание и — получил его. Что же на самом деле изображало или должно было изображать это обрезание почти столетнего старца — обрезание, стоящее посередине между моментом его веры и тем знаменательным фактом, что он впоследствии принес в жертву единородного? Ныне мы узнаем из Писаний, что это обрезание было своего рода «печатью праведности», — не средством, не причиной праведности, а печатью той праведности, которую он уже имел до обрезания, — печатью праведности по вере (Рим. 4:9-11), и понимаем по духу, что результатом внутреннего процесса веры и покорности воле Бога было то, что Авраам сначала внутренне (верою) выделился из массы всех прочих людей и даже от дома отца своего, и, приняв знак обрезания — «печать праведности», он и внешне перешагнул через ту, указанную Богом, грань, которая в продолжение длинного ряда веков отделяла Божий народ от людей мира сего — от язычников. Таким образом, Авраам внутренне и внешне облекался в совершенно иной облик, в такого человека, в которого пожелал облечь его Сам Бог, и делался в своём роде некоторым «начатком» создания Божьего. Заповедь же дальнейшего обрезания потомков «друга Божьего» и данный им впоследствии закон имели целью облечь и их в свою очередь в Авраама — отца их. Таким образом, Авраам является не только отцом своего потомства, но и его прототипом, и

каждый из его многочисленных потомков во все века имел задачей внутренне и внешне в большей или меньшей степени отразить в себе самом облик отца своего Авраама, поставленного Богом как их первообраз, как их прототип.

Как прообразом и прототипом для евреев был Авраам, так для нас первообразом и прототипом слово клятвенное поставило Сына «на веки совершенного», Который родился от семени Давидова «по плоти» и открылся Сыном Божьим в силе, «по духу святыни». По духу святыни мы видим, что в Нем была жизнь и жизнь была «свет человеков», что Он был «полон благодати и истины» и что видевшие Его видели «славу Его», славу как Единородного от Отца; также мы видим, в теле Он приходит на Иордан к Иоанну креститься от Него, сходит в воду и выходит из нее. Напрасно Иоанн старается удержать Его: Он объявил, что так надлежит Ему и всем «нам» исполнить всякую правду, — и крестился. Отныне наша задача и цель жизни — быть во всем подобными образу Сына Божьего, — «облечься во Христа». Внутреннее подобие «образу Сына Божьего» достигается так: человек, наученный Царству Божьему, получая от «полноты» Своего Учителя благодать на благодать, делается — как и Учитель его, — «светом миру» и, взирая на славу Господню, постепенно «преображается в тот же образ, от славы в славу» и может в конце своего совершенствования достигнуть меры «полного возраста Христова»; внешне же он, подобно своему первообразу, сходит в воду и крестится, и у него, как и у Авраама — отца его, результатом внутренней работы и внешней покорности «воле Божией» бывает то, что он внутренне и внешне уподобляется Вождю спасения, — «облекается во Христа».

Выше я говорил, что Авраам, совершив обрезание, тем самым перешагнул ту грань, которая отделяла и продолжает еще отделять еврейский народ от мира язычников; теперь мы доходим или уже дошли до той другой грани, которая по воле Господней с момента крещения отделяет детей Божьих Нового Завета от всех племен земных и от еврейского народа в частности. Апостол Павел очень удачно сравнивает крещение с гробом, в котором «погребается» прежняя национальность крестящегося, после которого уже нет ни Иудея, ни Еллина. Как бы эти слова ни казались тебе странными и соблазнительными, но они все-таки тем не менее истинны, и слово Господне подтверждает это, ибо мы видим, что верующие евреи, если они не были крещены, называются «уверовавшими иудеями» (Иоан. 8:31), тогда как верующие и крестившиеся обязательно теряли свою прежнюю национальность, и все делались во Христе Иисусе «одно», и, хотя мы встречаем в Священном Писании выражения, вроде: «верующие из обрезанных», «братья из язычников» (Деян. 10:45; 15:23), то здесь как бы сообщается их старый адрес, — показывается их прежняя национальность, — не больше.

Если я сказал, что слова мои могут показаться тебе странными или соблазнительными, то сказал только потому, что знаю наследственное отвращение к крещению у всех молокан, у которых это отвращение с годами доходит до ужасных размеров, — в сущности же в моих суждениях ни странного, ни соблазнительного ничего не содержится, тем более если ты не забыл сказанного мною об Аврааме, который не только был прототипом для евреев, но, как отец всех нас, был и прообразом всех нас, дабы и нам впоследствии, как ему некогда, «вера вменилась в праведность», — и если ты не упустил из вида сказанного мною и относительно крещения, которое не устраняет веры, не предшествует ей и которое, как справедливо сказал Св. Василий Великий - «основополагается верою».

Аврааму, как сказано, вера вменилась в праведность и вменилась не по обрезанию, а до обрезания, однако же он, тем не менее, должен был по воле своего Бога получить и наружный

«знак» и — получил его. Потомки Авраама, имевшие своей задачей внутренне и внешне «изобразить» в себе Авраама, должны были знать, что одно «наружное» обрезание не облекало их вполне в «подобие» отца их и не давало им полных прав на усыновление, ибо Авраам в истинном смысле слова был отцом не тех, кто только получил знак обрезания, а тех, кто вместе с тем ходил «по следам веры» его. Однако же это обрезание «наружное на плоти» было тем не менее так в очах Божьих важно, что необрезанный «истреблялся из народа». Так было с плотским потомством Авраама, — с Израилем «по плоти», так же в известном смысле должно быть и с духовным «семенем Авраама», — с «Израилем Божьим» (Гал. 6:16). Писание, провидя, что Бог верою оправдывает язычников, предвозвестило Аврааму: «в тебе благословятся все народы». Итак, — заключает свою мысль Апостол Павел, — верующие благословляются с верным Авраамом, и если написано, что Аврааму вера вменилась в праведность, то не в отношении к нему одному написано, но и в отношении к нам: вменится и нам. Это обетование, данное Аврааму, исполнение которого ожидали двенадцать колен, для апостолов было уже совершившимся фактом, и они свидетельствовали и свидетельствуют, что «оправдавшись верою», они имеют «мир с Богом», и свидетельство исполнившегося обетования было по воле Господа целью и задачей всей их многотрудной и многоскорбной жизни во Христе.
Пройдя долгий исторический путь от Авраама и доходя ближе и ближе до наших дней, мы видим, что Господь и на нас распространяет благотворное действие Своего Евангелия и из нас, как из камней, воздвигает детей Аврааму. Его слово: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари», берет и нас под свой покров и вливает и в наши сердца свой мир, свое утешение. И когда мы глубже исследуем Писания и полнее познаем сокрытую в них «тайну» Божью, то сердце наше бывает полно священного восторга от премудрых и благих путей Его. Мы теперь видим, что Авраамово потомство делится на две различные половины: на потомков «по закону» и потомков «по вере». Первые из них есть «плоть от плоти» и «кость от костей» Авраама, другие же еще сравнительно недавно были «чужды заветов обетования» и были «безбожники в мире», и любовь Божья, разрушив «преграду», сделала из обоих одного «нового» человека, устрояя мир. Богатство «славного наследия», предназначенного издревле для язычников, открыто нам, и мы видим, что Бог на самом деле «предусмотрел о нас нечто лучшее»: мы, некогда безбожники в мире, соделываемся «согражданами святым» и в нашем облике приближаемся к образу отца нашего Авраама гораздо больше, чем все его потомство по плоти. У Авраама, как нам известно, дело спасения начиналось с сердца (верою) и кончалось печатью на плоти; у детей его оно наоборот — начиналось с плоти (обрезание в восьмой день) и должно было оканчиваться сердцем.
Мы кратко касались повеления Воскресшего Господа и различали в нем три различных вида воли Его, теперь я коснусь того же повеления, только по Евангелию не Матфея и Марка, где мы опять различаем два вида или два средства спасения: «кто будет, 1-е, веровать и, 2-е, креститься, тот спасен будет». Исполняя эту волю нашего Господа как раз так, как она здесь выражена, мы убеждаемся, что эти дети Авраама более «изображают» в себе образ своего отца, и то подобие, которое плотскими потомками «друга Божьего» достигалось лишь в конце их жизни, «наследники обетования» по вере получают в начале пути, — с момента веры, и их крещение, подобно обрезанию Авраама, есть лишь своего рода «печать праведности» по вере.
Другое дело, друг мой, если бы я настаивал на крещении без веры, то, конечно, это было бы странно и был бы соблазн – уподоблять человека Аврааму или Христу путём внешних обрядов, но

этого у меня не было и нет. Я говорил выше, что крещение без веры не есть крещение, а есть только плотской нечистоты «омытие» — одна наружная обрядность. Святой Кирилл Иерусалимский говорил о крещении без обращения души, без истинной спасительной веры во Христа: «крестился некогда Симон (волхв); крестился, но не просветился: телом вошел в воду и телом вышел из нее, душою же не спогребся Христу и не совостал с Ним».

Итак, хоть мы, как «семя Авраамово», получаем от Господа все блага — оправдание, прощение грехов, обещанного Духа — верою и по вере делаемся сынами Божьими, но независимо от этого мы, взирая на Начальника и Совершителя веры с покорностью и благоговением, стараемся «исполнить всякую правду» и тем внутренне и внешне «облечься во Христа» (Гал. 3:26, 27). Ныне это крещение, как некогда обрезание, по воле Господа делит «всю тварь» на две отдельные половины: одни, «охотно приняв слово», крестятся и присоединяются к Церкви Господней, и у них по отношению к крещению могут быть только два вопроса: «что препятствует?» и: «кто может запретить?». С этими людьми я готов соединиться в жизни и в смерти и могу сказать с Валаамом: «да умрет душа моя смертью праведников, и да будет кончина моя, как их». Другие же отвергают волю Божью о себе, злословят то, чего не понимают, и в их глазах крещение, освященное Словом Господа и Его примером, есть лишь «нецеломудренное купание» или «бессмысленная практика», и они своим отношением к установленному Господом прямо включают себя в число законников и фарисеев, занявших печальное место в истории Церкви Господней. С этими людьми я не имею и не желаю иметь ничего общего, и — в совет их да не внидет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава моя...

Поздравляю с предстоящим праздником.

Твой друг Дей Мазаев

Комментарии
